

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

Л. Ю. Тугушева

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СУБСТАНТИВНО-АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Субстантивно-атрибутивные словосочетания (изафеты) относятся к одному из относительно разработанных разделов грамматики тюркских языков. В процессе их изучения было установлено, что традиционно выделяемые на основе морфологических показателей три типа изафета внутри себя неоднородны. Один и тот же вид конструкций, имея стереотипное оформление, может выражать разные отношения. Положение это воспринималось как очевидное и разногласий не вызывало. Разногласия, не всегда выраженные, но временами находящие отражение в прямых высказываниях,¹ касались главным образом тех моментов, когда речь шла о количестве и содержательных характеристиках выделяемых типов. И несмотря на то, что в настоящее время существуют весьма подробные, детальные классификации субстантивно-атрибутивных словосочетаний в тюркских языках,² вопрос о принципах классификации нельзя считать исчерпанным, так как имеет место определенный разнобой в трактовке одного и того же материала. Например, С. С. Майзель выделяет 7 разновидностей изафета III, которые выражают, по его мнению, принадлежность: 1) предмета предмету, 2) признака предмету, 3) материала предмету, 4) части целому, 5) действия субъекту, 6) действия объекту, 7) состояния проявляющему его предмету.³ М. З. Закиев в том же типе изафета различает целый ряд других разновидностей, которые выражают местонахождение или место происхождения предмета, время какого-либо явления, родственные или семейные отношения, лицо (предмет), для которого предназначен другой предмет, отрезок времени и др.⁴ Не существует также единого мнения о грамматической самостоятельности значений II и III типов изафета. Анализируя значения указанных двух типов изафета в гагаузском языке, Н. К. Дмитриев пишет: «Разобранный тип гагаузского изафета заключает в себе два варианта: 1) определенный изафет и 2) неопределенный изафет. . . Форма определенного изафета употребляется сравнительно редко и имеет то же значение, что и неопределенная форма».⁵ Указанные разногласия в трак-

товке одних и тех же явлений порождают определенные неудобства, которые становятся ощутимыми в тех случаях, когда требуется однозначный ответ на вопрос о соответствии «семантического представления» о конструкции его смыслу.

Помимо общетеоретического значения, вопрос о критериях различения значений, выражаемых субстантивно-атрибутивными словосочетаниями, приобретает остроту в связи с практическими задачами перевода, методики обучения языку и пр., о чем свидетельствует большое число работ, посвященных данному вопросу.⁶

Практическое руководство представленными в тюркологической литературе классификациями субстантивно-атрибутивных словосочетаний осложняется не только тем, что они разноречивы. Как бы тщательно ни была разработана классификационная схема, обнаруживаются словосочетания, которые не поддаются отождествлению на ее основе. Например, по классификации С. С. Майзеля изафет II типа делится на 21 вариант, характерными для которых являются отношения единичного предмета к обобщенному, к уникальному предмету, предмета к причине, источнику или материальной основе, предмета к своему назначению, цели, отношения количества к предмету, взятому в этом количестве, к действию или состоянию, выраженному инфитивом, комплекса к своим составным частям, действия к орудию или средству осуществления, предмета как объекта сравнения к предмету как субъекту сравнения, характеризующихся тем, что один из компонентов обозначает постоянный признак предмета, символ или эмблему, сказуемое, национальность, логический субъект, логический объект, выражает связь с местом, связь со временем.⁷ Но в какую из указанных рубрик несомненно можно отнести, например, словосочетания: *адәм кыяфәте* 'облик человека', *бүре баласы* 'волчонок', *бака тәүкәсе* 'ряска', *бака яфрагы* 'подорожник', *теш бакасы* 'флюс', *базар халкы* 'спекулянты, торговцы', *аяк ялы* 'вознаграждение за услуги' и мн. др.? Число словосочетаний, которые не могут быть отнесены ни к одной из выделяемых рубрик, практически неограниченно. Они занимают как бы промежуточное положение между выделенными разновидностями, образуя, по существу, непрерывный ряд — континуум. Задача же состоит в том, чтобы найти критерии несубъективного характера, на основе которых можно было бы провести членение этого континуума.

* * *

Рассмотрим некоторый ряд словосочетаний: *күзел ярасы* 'сердечная рана', *күзел тарлыгы* 'душевная черствость', *күзел күтәркенгелеге* 'приподнятость настроения', *күзел ташуы* 'преисполненность чувствами', *таш өй* 'каменный дом', *таш борчак* 'крепкий орешек' (букв. 'горшечек'), *таш баш* 'пескарь', *таш йөрәк* 'жестокый сердцем', *таш пияла* 'горный хрусталь' и т. д.

Приведенные примеры показывают, что замена только одного из компонентов — определяемого, приводит к полной перестройке

синтаксической структуры словосочетания. Результат будет тем же самым при замене атрибутов при одном и том же главенствующем слове: *сыр кәтүе* 'стадо коров', *Ташлык кәтүе* 'стадо [деревни] Ташлык'. В первом случае релевантным для определения структуры словосочетания является семантический признак 'состоящий из', в другом — 'принадлежащий (кому)'.

Отсюда следует: для того, чтобы изменились синтаксические признаки словосочетания, достаточно замены одного из компонентов, т. е. синтаксические свойства словосочетаний определяются лексико-семантическими свойствами его компонентов. Сам по себе этот вывод не нов. Относительно генетивных конструкций в индоевропейских языках, передающих значения, сходные со значениями субстантивно-атрибутивных словосочетаний в тюркских языках, он был сформулирован с достаточной определенностью. Ср. «... генетив при существительных в русском языке (как и в ряде других индоевропейских языков) является такой всеобъемлющей категорией, которая способна выражать самые разнообразные отношения между существительными, причем конкретный характер выражаемого отношения в значительной степени зависит от лексических значений сочетающихся слов». ⁸ В тюркологических исследованиях членение изафетных словосочетаний на деле нередко основывается на значении отдельных компонентов словосочетаний, ⁹ хотя это положение и не было сформулировано в них в явном виде. Справедливость этого положения на данном этапе не подвергается сомнению, но методы анализа семантики, разработанные в позднейшее время, позволяют внести в этот вопрос некоторые уточнения.

Как было сказано, вышеприведенные словосочетания имеют разную структуру. Формально это различие проявляется в несхожестве синтаксических признаков, выражающемся в том, в частности, что они допускают разные трансформации. Словосочетание *күңел ярасы* может быть преобразовано в *яралы күңел*, в то время как для словосочетаний *күңел тарлыгы* и *күңел күтәренкелеге* преобразования указанного типа не допустимы (ср. *тарлыклы күңел*, *күтәренкелекле күңел*). Их трансформами могут выступать конструкции *күңеле тар*, *күңеле күтәренке*; для конструкции типа *күңел ташуы* невозможны преобразования ни первого, ни второго типа (ср. *ташулы күңел*, *күңеле ташу*) и т. д. Указанные различия в синтаксических признаках в данном случае обусловлены тем, что в первом примере компонентами словосочетания выступают имена существительные, относящиеся к так называемой конкретной лексике, сочетание которых приводит к появлению семантического признака принадлежности, находящего отражение в синтаксических признаках — допустимых преобразованиях: рана сердца ↔ сердце, имеющее рану. Имена существительные *күтәренкелек*, *тарлык* в отличие от предыдущих обозначают отвлеченные понятия, свойства, состояния и относятся к разряду слов с «собственно языковым» значением. По ситуации, обозначен-

нием которой они выступают, в них закреплено понятие о субъекте этого свойства (состояния), составляющее одну из семантических валентностей этих слов. Роль семантической валентности слов в построении словосочетаний явственно проявляется в тех случаях, когда компонентами словосочетаний выступают синтаксически активные слова. В пределах субстантивно-атрибутивных словосочетаний таковыми выступают, как правило, глагольные и отглагольные имена. Сохраняя деривационные связи с глаголами, от которых они образованы, глагольные и отглагольные имена сохраняют также их валентности, реализуемые в словосочетаниях с их участием. Так, например, в словосочетании *кужел ташу* второй компонент является глагольным именем, обозначающим ситуацию 'литься через край сосуда (о жидкости)', обязательными для которой являются семантические «участники» или актанты: первый объект (то, что льется), второй объект (то, из чего льется) и причина (избыток жидкости в сосуде). В данном словосочетании реализована вторая валентность глагольного имени *ташу* — валентность объекта, заключающая в себе понятие сосуда, из которого льется жидкость (ср. параллельное словосочетание *кужел тулып ташыды* 'душа преисполнилась и [чувства] выплеснулись наружу'). Семантическая структура словосочетания в данном случае определяется валентностью одного из его компонентов. Появление нетипического для слова *кужел* семантического признака 'сосуд, вместилище' обусловлено его синтагматической позицией, в которой оно противопоставлено парадигматически словам, объединенным указанным семантическим признаком: ср. *ašič tašdı* '[содержимое] кастрюли [вскипело] и побежало' (МК II 12). В словосочетании *срок узу* 'истечение срока' реализуется вторая валентность глагольного имени *узу* 'миновать', обозначающего ситуацию 'преодоление путем передвижения некоего пункта (в пространстве или во времени)'. Обязательным участником этой ситуации является представление о пункте, передаваемое в настоящем случае словом 'срок'. В словосочетании *тауыкларның йомырка салучанлыгы* 'яйценоскость куриц' валентностью главенствующего слова, выраженного глагольным именем аналитического типа, мотивируются не только возникающие в нем субъектные отношения, но и отнесенность этого субъекта к определенной тематической группировке 'птица, самка'; в выражении *товардың сатыгы* (кирг.) 'продажная цена товара' — реализуется валентность объекта глагольного имени *сатык*, являющегося четырехвалентным глаголом с актантами: субъект (кто продает), объект (что продает), контрагент (кому продает), второй объект (за какую цену); отношения, возникающие в словосочетании *кайту хэбэре* 'известие о возвращении', основаны на валентности имени существительного *хэбэр* 'известие', обозначающего ситуацию, обязательными участниками которой выступают: субъект (кто извещает), содержание (о чем извещает), контрагент (кого извещает); *йөн буяуы* 'краска для шерсти' (башк.) — здесь отражена валентность объекта гла-

гольного имени *буюу* от четырехвалентного глагола *буюу*- 'красить' с актантами: субъект (кто красит), объект (что красит), средство (чем красит) и результат (во что красит); семантическая структура словосочетания *шәкертнең куылуы* 'изгнание шакирда' мотивируется семантическими свойствами четырехвалентного глагола *куыл-* 'быть изгнанным' с актантами: субъект, объект, начальная и конечная точки; субъектная валентность реализована в словосочетаниях *куңел тарлыгы* 'черствость сердца', *куңел тынычлыгы* 'душевное спокойствие', *куңел төшкенлеге* 'упадочное состояние духа'¹⁰ и т. д.

Слова с тождественными синтаксическими свойствами, сочетаясь, образуют сходные семантические структуры. Например, слово, *бала*, сочетаясь с тематической группой слов, обозначающих названия животных, приобретает значение 'детеныш': *арслан баласы* 'львенок', *буре баласы* 'волчонок', *болан баласы* 'орленок', *аю баласы* 'медвежонок', *мәче баласы* 'котенок', *эт баласы* 'щенок'; слово *баш* в сочетании с именами существительными, объединенными общим семантическим признаком 'предмет, возвышающийся над землей и имеющий определенную форму с обозначенной вершиной', получает значение 'вершина, верхушка': *ағач башы* 'верхушка дерева', *тау башы* 'вершина горы', *кибән башы* 'верхушка стога'; сочетание того же слова со словами иной тематической группы (с семантическим элементом обозначения времени) приводит к образованию словосочетаний с другой семантической структурой: *ай башы* 'начало месяца', *ел башы* 'начало года'. В примерах *балык мае* 'рыбий жир', *дуңгыз мае* 'свиной жир', *көнбагыш мае* 'подсолнечное масло', *арба мае* 'колесная мазь', *машина мае* 'машинное масло', *лампа мае* 'керосин' в зависимости от семантических признаков определенели словосочетания получают семантический признак 'добываемый из чего-л.' или 'предназначенный для чего-л.'. В первом случае в определениях присутствует семантический элемент 'название растений или животных', во втором — 'технические средства, инструменты или их части'.

Анализ по семантическим признакам позволяет, в частности, ответить на вопрос, почему не следует помещать в одну рубрику словосочетания типа *şarqanın beyzlığı* 'белизна шляпы' и *ilmin faydası* 'польза науки', объединяемые С. С. Майзелем в разделе «принадлежность признака предмету».¹¹ Лексемы *beyzlık* и *fayda* относятся к разным лексическим группировкам, характеризующимся самостоятельной парадигматической организованностью. Значение первых раскрывается через их противопоставление словам, обозначающим части цветового спектра, во втором случае — путем антонимической поляризации, путем противопоставления слову *ziyan* 'вред'. Парадигматической закрепленностью по определенным семантическим признакам обусловлен различный характер семантических отношений в словосочетаниях, образованных с их участием. Структурно-семантическое различие словосочетаний проявляется в преобразованиях с ними. Трансформом словосо-

четания *şarkanı beazlığı* выступает конструкция *şarka beazdır*; аналогичное преобразование недопустимо со словосочетаниями типа *ilmin faydası* и *aşkın kuvveti* 'сила любви', трансформами которых выступают конструкции *ilim faydalıdır*, *aşk kuvvetlidir*, но не *ilim faydadır*, *aşk kuvvettir*. Взаимосвязь семантической структуры словосочетаний и парадигматических отношений компонентов (их системной соотносённости с другими элементами лексики) отчетливо прослеживается на следующих примерах: 1) *аш чумече* 'черпак для супа, половник', *аш кашыгы* 'суповая (столовая) ложка'; 2) *аш бүлмәсе* 'обеденная комната (столовая)', *аш өстәле* 'обеденный стол'; 3) *аш остасы* 'искусный повар'. Различие в семантической структуре этих словосочетаний основывается на различии признака функции, функциональной направленности главенствующего слова. Существенным с точки зрения конструирования значения словосочетания в одном случае является семантический элемент 'орудие, прибор', в другом — 'место', в третьем — 'изготовитель'. Ср. также в указанном отношении значения словосочетаний: *мал базары* 'рынок для продажи скота', *мал врачы* 'ветеринарный врач', *мал шалканы* 'кормовая репа (турнепс)'; *йокы бүлмәсе* 'спальная комната', *йокы артериясе* 'сонная артерия', *ат абзары* 'помещение для лошадей (конюшня)', *ат көтүе* 'стадо лошадей (табун)' и т. д.

С другой стороны, сочетание с разными лексемами в роли главенствующего слова приводит к своего рода транспозиции значения определения. Реализация того или иного значения слова ставится в зависимость от его позиции — конкретных сочетаний.¹² Например, значение слова *капчык* как 'вместилища свойств человеческого характера' реализуется в сочетании с весьма ограниченным числом слов с семантическим элементом 'черта характера': *гайбат капчыгы* 'греховодник', *хәйллә капчыгы* 'хитрец', *ялган капчыгы* 'лжец' и др. и, следовательно, является синтагматически обусловленным в отличие от главного значения того же слова 'мешок', которое обусловлено парадигматически отнесенностью в группу имен, объединяемых общностью функционального признака 'предназначенность для складывания, упаковки чего-либо'.

Контекстная обусловленность значений наиболее ярко проявляется у слов с обобщенными значениями, не отягощенными индивидуальными признаками; семантика их в большей степени мотивирована позицией среди прочих элементов системы и рассматривается как принадлежащая «собственной системе»¹³ языка, в отличие от «конкретной» лексики, семантика которой определяется признаками, стоящими вне системных отношений языка. В зависимости от своей позиции слово *буй* 'рост, длина' может передавать значения: *ай буге* 'в течение месяца', *диңгез буге* 'берег моря', *тау буге* 'подножие горы' и пр., и только сопоставление контекстов позволяет разграничить одно его значение от другого.

Рассмотренный материал показывает также, что релевантные семантические признаки, возникающие при совмещении частей

в словосочетании в целом и у отдельных его компонентов, взаимно обусловлены, но не тождественны. Поэтому, анализируя словосочетания, нельзя исходить непосредственно из семантических свойств его составных частей. Лексико-семантические свойства составных частей словосочетания могут быть использованы как исходные данные при изучении структурно-семантических свойств словосочетаний лишь постольку, поскольку слова, относящиеся к одному классу (группе), обнаруживают сходные признаки, находящие адекватное отражение в конструкциях, образуемых с их участием.

Из всего сказанного, таким образом, можно сделать вывод, что семантическая структура словосочетаний мотивирована лексико-семантическими свойствами их компонентов, поэтому при изучении словосочетаний не может быть оставлен в стороне вопрос о системных свойствах сочетающихся лексем. Устранение произвольности в характеристике семантических свойств словосочетаний и их членении теснейшим образом связано с уточнениями структурно-семантических свойств компонентов словосочетаний. Но свойства и значения слов проявляются в контексте. С этой точки зрения изучение контекстов (конструкций), в которых реализуются значения лексем, установление связей между ними, в свою очередь, является исходным формальным основанием для изучения семантических свойств слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: «Некоторые тюркологи различают большее количество разновидностей изафета II. Например, С. С. Майзель различает 21 разновидность. На наш взгляд, некоторые пункты, указанные им, могут быть свободно объединены» (Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, с. 180).

² См.: Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957; Закиев М. З. Синтаксический строй. . ., с. 169—183.

³ Майзель С. С. Изафет в турецком языке, с. 25—29.

⁴ Закиев М. З. Синтаксический строй. . ., с. 171—175.

⁵ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 261—262.

⁶ См.: Аррыков А. Типологическая характеристика простых атрибутивно-субстантивных словосочетаний в английском и туркменском языках. АҚД. М. 1972; Абдурахманов Ш. Предложно-определятельные словосочетания и словосочетания с формантом *s* в английском языке и их эквиваленты в узбекском языке. М., 1972; Карпов В. М. Атрибутивное употребление существительных в английском языке и изафет в тюркских языках. — Тр. Киргизского гос. ун-та, вып. 3, Фрунзе, 1969; Ковальчук Н. Г. Атрибутивно-субстантивные словосочетания с зависимым существительным в английском языке и их соответствия в татарском. Казань, 1974; Латыпов Ч. Ю. К вопросу об атрибутивном употреблении существительных в английском и башкирском языках. — В кн.: Вопросы общего и романо-германского языкознания. Тез. докл. IV научной конференции лингвистов. Вып. I. Уфа, 1965, и др.

⁷ Майзель С. С. Изафет в турецком языке, с. 30—43.

⁸ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. с. 178.

⁹ См.: Майзель С. С. Изафет в турецком языке, с. 32—39; Закиев М. З. Синтаксический строй. . ., с. 170—180; Кононов А. Н.

Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 355.

¹⁰ Типы семантических валентностей определяются по системе разработанной Ю. Д. Апресяном. См.: Апресян Ю. Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова. — В сб.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973, с. 285—286.

¹¹ Майзель С. С. Изафет в турецком языке, с. 26—27.

¹² Ср.: «Когда мы говорим о разных значениях, присущих данному слову, мы по существу исходим из разных контекстов его употребления. . . . Если для слов, обозначающих конкретные предметы, разграничение значений осуществляется как будто на основе учета денотативных возможностей слова, то для всех остальных лексических единиц самая мысль о нем возникает только в связи с тем, что сопоставляются разные контексты употребления слова» (Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа. . . , с. 93).

¹³ Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, с. 17.